

Тихомиров П. В. Каноническое достоинство реформы Петра Великого по церковному управлению: (Несколько историко-канонических справок и соображений в дополнение к статьям Л. А. Тихомирова и проф. Н. А. Заозёрского о церковном управлении и церковной церковной власти) // Богословский вестник 1904. Т. 1. № 2. С. 217—247 (2-я пагин.). (Окончание.)

Каноническое достоинство реформы Петра Великого по церковному управленію ¹⁾.

(Нѣсколько историко-каноническихъ справокъ и соображеній въ дополненіе къ статьямъ Л. А. Тихомирова и проф. Н. А. Заозерскаго о церковномъ управленіи и церковной власти).

Б.

Мы видѣли, что Духовный Регламентъ какъ на самомъ главномъ преимуществѣ узаконяемой имъ формы церковнаго управленія, настаиваетъ на ея *соборности*. Что соборность дѣйствительно составляетъ главное достоинство церковнаго управленія, и чѣмъ полнѣе въ строѣ извѣстной помѣстной церкви осуществлена идея этой соборности, тѣмъ выше, съ канонической точки зрѣнія, достоинство такого устройства.— это безспорно. „Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, говорить покойный проф. Соколовъ, что соборность церковнаго управленія есть основное, характеристически-церковное, каноническое начало. Съ особенною настойчивостью и постоянствомъ, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ церковной жизни, оно проводится въ церковномъ законодательствѣ, начиная съ правилъ апостольскихъ и до VII-го вселенскаго собора. Во весь этотъ періодъ,—сколько ни разнообразились формы церковнаго управленія, отъ христіанскихъ общинъ временъ апостольскихъ, съ ихъ старѣйшинами и братією, и до византійскихъ патріарховъ, съ придворнымъ штатомъ чиновъ, ихъ окружавшихъ,—начало соборнаго управленія непрерывно выдерживалось въ церковномъ канонѣ и такъ

¹⁾ Окончаніе. См. Богословскій Вѣстникъ, Январь 1904 г.

или иначе, съ большею или меньшею полнотою, сохранялось въ практикѣ“¹⁾. Поэтому представляется вопросомъ чрезвычайной важности,—дѣйствительно-ли Петровская церковная реформа способствовала болѣе полному осуществленію въ строѣ нашего церковнаго управленія идеи соборности.

Что такое каноническая соборность?—каковы ея внутреннія свойства?

„Да вси едино будутъ“ (Іоан. 17, 21), молился Христосъ о Своихъ послѣдователяхъ, которыхъ оставлялъ Онъ на землѣ. Этими словами Основателя Церкви данъ былъ, такъ сказать, девизъ, какимъ должна быть запечатлѣна ея жизнь. И изъ книги Дѣяній апостольскихъ мы не разъ можемъ видѣть, что жизнь первохристіанской общины оставалась вѣрна этому завѣту. Классическимъ мѣстомъ въ этомъ отношеніи является Дѣян. 4, 32: „у множества-же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа“ (ср. 1, 14; 3, 44; 4, 34 и др.). Это начало взаимной любви и единенія опредѣляло собою всѣ отношенія въ жизни христіанской церкви апостольскаго времени, а слѣдовательно,—и тѣ отношенія, сумму которыхъ, по теперешней терминологіи, мы называемъ *церковнымъ управленіемъ*. Какъ принципъ, оно, конечно, хранится Церковью и до нашихъ дней; но его реализація въ жизни, къ сожалѣнію, стала далеко не полною. Поэтому, прежде чѣмъ дѣлать примѣненіе этого принципа къ условіямъ нашей церковной жизни вообще и къ нашему церковному управленію въ частности, намъ надо разсмотрѣть, какъ онъ осуществлялся въ жизни древней церкви, и это разсмотрѣніе начать съ апостольскаго вѣка.

Церковное управленіе апостольскаго вѣка было открытымъ, публичнымъ, общественно-совѣщательнымъ. Трудно, едва-ли даже возможно отыскать въ дѣйствіяхъ св. апостоловъ какой-либо намекъ на то, чтобы они когда-либо дѣйствовали секретно отъ вѣрующихъ, предпринимали какія-либо мѣры, не посовѣтовавшись предварительно со всею церковью даннаго мѣста. Напротивъ, въ Дѣяніяхъ апостольскихъ находится множество свидѣтельствъ въ пользу того,

¹⁾ Н. К. Соколовъ, По поводу статьи о соборномъ управленіи въ христіанской церкви. 1871 г. Стр. 3—4.

что они раскрывали предъ всѣмъ множествомъ свои планы и осуществляли ихъ при общей съ ними молитвѣ, совѣщаніи съ ними и при содѣйствіи ихъ. Избраніе семи діаконовъ произошло при участіи всего общества Іерусалимской церкви: „и угодно было это предложеніе всему собранію, и избрали Стефана“ и т. д. (Д. 6, 5). Въ церкви Антіохійской одинъ изъ пророковъ Агавъ предвозвѣстилъ въ общемъ собраніи христіанъ голодъ, имѣющій послѣдовать по всей вселенной, и братія постановили—„каждый по достатку своему послать пособіе братіямъ, живущимъ въ Іудеѣ“ (11, 29). Ап. Павелъ повелѣваетъ Коринѣянамъ произнести приговоръ и наказаніе извѣстному коринѣскому грѣшнику „въ общемъ собраніи“ (1 Кор. 5, 4) ¹⁾. Вотъ какъ осуществлялся въ церковномъ управленіи апостольскаго времени завѣщанный Христомъ принципъ. Собственно говоря, это нельзя даже назвать *управленіемъ* или *администраціей* въ нашемъ смыслѣ. Это была просто общая единодушная дѣятельность въ союзѣ любви. Впослѣдствіи *положеніе дѣлъ* измѣнилось, но *принципъ* всегда оставался одинъ и тотъ-же, по крайней мѣрѣ, въ православной церкви. Чтобы не вдаваться въ ненужныя подробности, изображая формулировку этого принципа въ разные вѣка церковной жизни вплоть до нашихъ дней, мы прямо приведемъ свидѣтельство новѣйшаго времени, которое, по справедливому замѣчанію Хомякова, имѣетъ „весь авторитетъ вселенскаго свидѣтельства“ ²⁾. Въ § 16 Отвѣта восточныхъ патріарховъ на окружное посланіе папы Пія IX читается: „Мы не имѣемъ никакого свѣтскаго надзирательства или, какъ говоритъ Его Блаженство, священнаго управленія, а только соединены союзомъ любви и усердія къ общей матери, въ единствѣ вѣры и т. д.“ Послѣ такого прямого и рѣшительнаго заявленія мы уже имѣемъ полное право, сдѣлавъ *юридическую характеристику* этой идеальной формы церковнаго управленія, требовать, чтобы *типъ* ея выдержанъ былъ и въ нашей русской церкви.

Какую-же *юридическую характеристику* должны мы дать для церковнаго управленія апостольскаго вѣка? Такъ какъ

¹⁾ Такъ характеризуетъ церковное управленіе апостольскаго вѣка, на основаніи кн. Дѣяній апост., проф. Заозерскій въ соч. „О свящ. и правит. власти“, стр. 53.

²⁾ А. С. Хомяковъ, Полн. собр. соч. 1886 г., т. II, стр. 61.

эту характеристику возможно сдѣлать только *при помощи аналогій съ какимъ-либо изъ видовъ государственнаго управленія*, то посмотримъ, какъ различаются виды управленія въ юридическомъ государствѣ ¹⁾. Юристы различаютъ три такихъ вида: а) *демократію* или *самоуправленіе*, б) *аристократію* и в) *монархію* ²⁾. Не трудно видѣть, что церковное управленіе апостольскаго времени приближается къ первому изъ этихъ типовъ ³⁾. Чтобы насъ не упрекнули въ неприличномъ сближеніи понятій, мы считаемъ нужнымъ сказать, что названіе церковныхъ учреждений „демократическими“ отнюдь не есть новшество въ канонической терминологіи и сознательно употребляется авторитетными канонистами ⁴⁾. Въ демократіи различаются два вида: *чистая демократія* и *представительная*. Въ первой всѣ полноправныя лица соединяются въ большое собраніе для совѣщаній и принятія рѣшеній; во второй-же граждане избираютъ изъ среды себя относительно небольшое число представителей, которымъ и передается пользованіе правами, принадлежащими всему народу ⁵⁾. Продолжая начатое сравненіе, мы должны будемъ въ устройствѣ апостольской церкви признать нѣчто аналогичное чистой демократіи. Но писанія апостольскія даютъ нѣкоторыя основанія признать въ перво-христіанской общинѣ и зачатки представительнаго управленія,—ср. Д. 15, 6—7; 20, 17 и слѣд.: 1 Петр. 5, 3 и под. Какую-же изъ этихъ формъ мы должны признать наиболѣе характеристичной для церковнаго упра-

¹⁾ Мы не беремъ для нашего сравненія государства, не основаннаго на идеѣ права или не-юридическія, каковы: патріархальное, патримоніальное, теократія, классическое государство и деспотія.

²⁾ Ср. *Р. Моля*. Энциклопедія государственныхъ наукъ. Переводъ А. Попова. 1888 г. Стр. 263.

³⁾ Здѣсь намъ могутъ возразить, что различеніе въ Церкви іерархіи и мірянъ, пожалуй, даетъ основаніе сблизить ея управленіе съ аристократическимъ. Но это несправедливо, ибо церковная іерархія не имѣетъ въ себѣ никакихъ специфическихъ чертъ аристократіи,—напр., наследственности. Да и характеръ тѣхъ предписаній, какія апостолы даютъ іерархіи, не позволяетъ сравнивать ее съ аристократіей. Св. апостоль Петръ заповѣдуетъ пастырямъ пасти церковь—*„не господствуя надъ наследіемъ Божіимъ, но подавая примѣръ стаду“* (1 Петр. 5, 3). А слова его: *„вся-же, подчиняясь другъ другу, облекитесь цѣломудріемъ и пр.“* (ст. 5)—прямо устанавливаютъ *демократическій* принципъ.

⁴⁾ *Заозерскій*, Историч. обзоръ источниковъ etc., стр. 186.

⁵⁾ *Р. Моля*, цит. соч. стр. 263.

вления? Не трудно видѣть, что первая наиболѣе удобна для приходскаго и, пожалуй, *парикіального* управленія; для *областного*-же надо предпочесть вторую ¹⁾. Она-же, разумѣется, должна считаться типичной и для управленія цѣлой *помѣстной церковью*.

Итакъ, церковное управленіе должно быть *самоуправленіемъ* церкви,—въ строгомъ смыслѣ этого слова или чрезъ *представительство*. Въ этомъ и состоитъ *соборность* церковнаго управленія. Въ какихъ-же *формахъ* должна осуществляться эта соборность по канонамъ церковнымъ и по практикѣ древней церкви?

Каноны и практика древней церкви показываютъ намъ четыре степени соборности: а)—въ *приходахъ*, гдѣ она обнаруживалась въ выборѣ прихожанами для себя пресвитера ²⁾, какъ представителя интересовъ прихода, и въ участіи прихожанъ въ нѣкоторыхъ приходскихъ дѣлахъ ³⁾; б)—въ *епархіяхъ*, гдѣ власть епископа, представителя интересовъ цѣлой епархіи, „должна, какъ справедливо говорить проф. Соколовъ, проявляться въ соборной-же формѣ, т. е. непременно при обязательномъ содѣйствіи пресвитеровъ и подъ контролемъ и повѣркою высшаго собора“ ⁴⁾; в)—въ *округахъ* или

¹⁾ Не покидая начатаго сравненія съ государственнымъ управленіемъ. мы для оправданія этого предпочтенія напомнимъ объ условіяхъ, которыя считаются необходимыми для возможности чистой демократіи и которыя заставляютъ для областного управленія предпочесть *представительство*. Этыхъ условій считается три: а) территория и народонаселеніе настолько ограниченныя, что всѣ граждане, смотря по требованію дѣла, могутъ часто и скоро собираться, и что образуемое ими собраніе не превышаетъ тѣхъ размѣровъ, въ какихъ голосъ оратора можетъ быть всеми внимаемъ;—б) возможность рѣшенія всѣхъ представляющихся дѣлъ во всенародномъ собраніи безъ помѣхъ, представляемыхъ климатическими условіями; и—в) хозяйственная возможность для гражданъ посвящать необходимое время государственнымъ занятіямъ. Ср. въ Цит. соч. *Моля* стр. 267.

²⁾ Ср. св. *І. Златоуста*, Слово о священствѣ 3-е, въ переводѣ о. *Матвеевскаго*, стр. 60.

³⁾ *Н. Соколовъ*, цит. соч., стр. 47 и др.

⁴⁾ Тамъ-же. Ср. письма св. *Кипріяна*—23, 29, 30, 31. Кипріянь не хотѣлъ, напр., безъ согласія пресвитеровъ посвящать и чтеца (п. 33). Корнилій, епископъ Римскій, не хотѣлъ безъ совѣта пресвитеровъ принимать въ церковь Максима изъ новаціанъ (*Cognel.* ep. 46). Пресвитеры подаютъ свой голосъ въ епископскомъ судѣ (см. Епифанія о ересяхъ 75, Евсевія

митрополіягъ, гдѣ дѣла рѣшались соборомъ всѣхъ епископовъ округа подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ митрополита ¹⁾; и г)—въ управленіи *цѣлой помѣстной церковью* черезъ патриаршій синодъ и помѣстный соборъ ²⁾.

Сохранены-ли въ организаціи управленія русской церковью свойства канонической соборности? Едва-ли какой канонистъ затруднится дать на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ и искренно откажется подписаться подъ слѣдующимъ сужденіемъ, находящимся въ цитированной нами брошюрѣ проф. Соколова: „Со времени учрежденія св. Синода начало соборное весьма ослабѣло въ нашемъ церковномъ управленіи; на низшихъ степеняхъ, въ приходскихъ общинахъ, съ уничтоженіемъ выборнаго порядка и съ устраненіемъ мірянъ отъ участія въ дѣлахъ приходскихъ, оно проявляется слишкомъ слабо; въ епархіяхъ подмѣнено началомъ коллегіальнымъ, съ совершеннымъ уничтоженіемъ самостоятельности членовъ коллегіи, и, можно сказать, совсѣмъ исчезло, уступивъ свое мѣсто единоличному управленію. Средней или окружной степени въ управленіи совсѣмъ нѣтъ, и наши митрополиты носятъ только имя безъ каноническаго значенія. *На высшей ступени соборность, за исключеніемъ внѣшней формы, мало сохранила своихъ каноническихъ свойствъ, лишена значенія церковнаго представительства и подмѣнена коллегіальностью, при-*

Ист. 6, 43, 7, 28, 30). Соборы указываютъ и епископамъ, не имѣющимъ своихъ епархій по какимъ-либо причинамъ, мѣсто въ засѣданіяхъ пресвитеровъ при кафедрахъ другихъ епископовъ (Анк. 18, сн. I всел. 8. Цитаты эти беремъ въ цитированной брошюрѣ проф. Соколова, стр. 18, прим. 7).

¹⁾ Древнѣйшія и важнѣйшія изъ относящихся сюда правилъ суть Апостольскія 34 и 37. Первое требуетъ: „Епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго въ нихъ и признавати его, яко главу, и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія: творити-же каждому только то, что касается до его епархій и до мѣстъ къ ней прилежащихъ. Но и первый ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ. Ибо тако будетъ единомысліе, и прославится Богъ о Господѣ во Святѣмъ Духѣ, Отецъ и Сынъ и Св. Духъ“. Второе читается: „Дважды въ году да бываетъ соборъ епископовъ и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о догматахъ благочестія, и да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія. Первый разъ въ четвертую недѣлю Пятидесятницы, а во второй—Октября во второй-на-десять день“. Кромѣ того, ср. Ант. 20; I Всел. 4. 5. 6. 7; VI Всел. 8.

²⁾ Объ этомъ см. у насъ выше, по поводу I пункта Дух. Регламента.

томъ не основанною на выборномъ началѣ“¹⁾. Здѣсь для насъ особенно важно послѣднее положеніе; на раскрытіи его мы и остановимся.

Мы видѣли, что неотъемлемое право церкви, опредѣляющееся самымъ существомъ ея, есть право на *самоуправленіе*. Осуществленіе этого права въ управленіи цѣлою помѣстной церковью должно достигаться чрезъ образованіе *представительства отъ епархій*. Вотъ этого-то именно и нѣтъ въ созданной Петромъ системѣ высшаго церковнаго управленія. „Постоянный синодъ, говоритъ проф. Заозерскій,—какую-бы форму ни имѣлъ онъ,—есть во всякомъ случаѣ только исполнительный органъ цѣлаго собора архіереевъ помѣстной церкви. Его голосъ, обнаруживающійся въ рѣшеніяхъ, постановленіяхъ, опредѣленіяхъ, имѣетъ обязательную силу при томъ *канонически необходимомъ условіи*, что всѣ прочіе епископы безмолвно согласны съ этимъ голосомъ“²⁾. Древняя церковная практика, какъ видно изъ 19 правила Антиохійскаго собора, узаконила, какъ форму, въ какой выражалось это согласіе,—присылку *граматъ*³⁾. Все это не имѣетъ никакого мѣста при нашемъ синодальномъ управленіи. Члены св. Синода вовсе *не суть представители* отъ епархій, а только, какъ выражается Регламентъ, „лица, отъ высочайшей власти (т. е. императора) учрежденныя“, которымъ „подлежать ко управленію нѣкоторыя собственныя (т. е. особенныя) дѣла“⁴⁾. Другими словами, они образуютъ *не „правительство“* церковное, какъ нерѣдко называетъ ихъ Регламентъ, а государственное *чиновничество*. Послѣдній терминъ мы употребляемъ не въ метафорическомъ или гиперболическомъ смыслѣ, а въ совершенно точномъ значеніи. Чиновниками, по Р. Молю, называются „лица, которыя должны быть подчиненными помощниками главы государства и по его указаніямъ совер-

¹⁾ Н. Соколовъ, цит. соч., стр. 5—6.

²⁾ Заозерскій, О свящ. и прав. вл., стр. 305.

³⁾ Отъ этой практики въ нашемъ церковномъ управленіи за синодальный періодъ сохранилось только сознаніе необходимости въ особенно важныхъ случаяхъ спрашивать мнѣніе епархіальныхъ архіереевъ. Такъ, напр., поступилъ Синодъ при введеніи въ дѣйствіе устава духовныхъ консисторій въ 1841 году, такъ-же поступилъ и при обсужденіи проекта церковно-судебной реформы въ 1879—80 годахъ.

⁴⁾ Дух. Регл. ч. I (П. с. п. и р., т. I, стр. 3).

шать извѣстныхъ правительственныхъ дѣйствій“¹⁾. Это опредѣленіе почти буквально сходно съ опредѣленіемъ въ Регламентѣ членовъ духовной коллегіи. А если сюда присоединить 3-ій пунктъ 1-ой части Д. Регламента (слова: „коллегіумъ правительское подъ державнымъ монархомъ есть и отъ монарха уставлено... на добро общее повелѣніемъ самодержца собраннаго лица“), то точность данной нами характеристики будетъ внѣ всякаго сомнѣнія. И въ различныхъ изслѣдованіяхъ по церковному и государственному праву мы дѣйствительно нерѣдко можемъ встрѣтить такой именно взглядъ на Синодъ²⁾.

Если-же юридическое положеніе членовъ духовной коллегіи опредѣляется, какъ положеніе государственныхъ чиновниковъ, то спрашивается: каковъ-же характеръ вѣдаемаго ими, по порученію Государя, церковнаго управленія? „Органы верховнаго владѣтеля государственной власти, говоритъ Р. Моль о чиновничьемъ управленіи, должны имѣть тотъ-же характеръ, какой имѣетъ онъ самъ“³⁾. Съ этой точки зрѣнія, церковное управленіе, введенное Петромъ, которое „подъ державнымъ монархомъ есть“, надо характеризовать, какъ *монархическое*, — вопреки увѣренію 2-го пункта 1-ой части Регламента. А такой его характеръ совершенно противорѣчитъ основному каноническому требованію, чтобы церковное управленіе было *соборнымъ*, т. е. *самоуправленіемъ* церкви.

Еще не такъ-бы рѣзко бросалась въ глаза эта неканоничность въ строѣ нашего церковнаго управленія, если-бы члены духовной Коллегіи *избирались* правоспособными къ тому членами самой церкви. Этимъ былъ-бы сглаженъ государственно-монархическій характеръ ея, и она хоть немного получила бы видъ церковнаго *представительства*⁴⁾. Но первые члены Синода, какъ и въ настоящее время это бываетъ при на-

1) Моль, цит. соч., стр. 193.

2) Ср. Романовичъ - Славатинскій, цит. соч., стр. 174—175. — Заозерскій, тамъ-же, стр. 300.

3) Моль, тамъ-же.

4) Здѣсь монархическій принципъ нашего государственнаго управленія вступалъ-бы въ сочетаніе съ демократическимъ принципомъ управленія церковнаго, — сочетаніе, по признанію юристовъ, вполне возможное (Ср. Р. Моль, цит. соч., стр. 194).

значеніи членовъ Синода, были *поставлены* въ свою должность именнымъ *царскимъ указомъ* ¹⁾. Здѣсь уже и тѣни нѣтъ церковнаго представительства. Управление перестаетъ быть соборнымъ. Назначенные царскимъ указомъ, члены дух. Коллегіи, разумѣется, и должны руководиться не столько желаніями церкви, сколько желаніями царя. Гдѣ-же здѣсь самоуправленіе церкви?

Но, не смотря на сдѣланныя разъясненія, намъ всетаки могутъ возразить: какъ-же можно отрицать соборность введеннаго Петромъ церковнаго управленія, когда всетаки въ немъ *единоличная* власть патріарха замѣнена властью *собранія* многихъ лицъ?—На это, во-первыхъ, еще разъ скажемъ, что власть патріарха никогда не была и не могла быть *единоличной*: онъ—не правитель церкви, а только обязательный предсѣдатель на соборѣ ея іерарховъ; внѣ этого собора онъ—такой-же архіерей, какъ и всякій другой, и въ церкви никакой власти не имѣетъ. „*Αλλά μηδὲ ἐκεῖνος ἄνευ τῆς πλείων ὑπόψεως ποιεῖτω τι*“,—весьма выразительно замѣчаетъ о власти перваго епископа помѣстной церкви 34-ое апостольское правило. Эта-же мысль была ясно выражена и на русскихъ соборахъ 1667 и 1681 гг. ²⁾. Во-вторыхъ, надо сказать, что *коллегія*—*совершенно не то-же, что соборъ*. Обыкновенно между этими понятіями не дѣлается строгаго различія, и потому ничего нѣтъ необычнаго въ томъ, что нѣкоторые даже очень серьезные писатели не видятъ основаній отрицать соборность нашего послѣ-реформеннаго церковнаго управленія. Идея *соборности* тождественна съ идеей *самоуправленія*. Гдѣ нѣтъ послѣдняго, тамъ нѣтъ и соборности. Соборность состоитъ не въ томъ, что во главѣ правленія стоитъ не одно лицо, а нѣсколько; она состоитъ въ томъ, что дѣйствія правительства выражаютъ желанія *всѣхъ* управляемыхъ. Поэтому управленіе можетъ быть соборнымъ даже и въ томъ случаѣ, если во главѣ его стоитъ одно лицо, но *отъ всѣхъ* надѣленное правительственными полномочіями и довѣріемъ; и наоборотъ,—даже состоя изъ многихъ лицъ оно вовсе не будетъ соборнымъ, если ему не будетъ гарантировано *всеобщее* довѣріе и одобреніе (вспомнимъ греческихъ олигарховъ).

¹⁾ Кедровъ, цит. соч., стр. 69.

²⁾ Каптеревъ, цит. ст.—въ „Бог. Вѣстн.“ УШ, 181.

Коллегіальность-же характеризуетъ лишь систему внутренней организаціи чиновничества. Въ *бюрократической* системѣ управленіе извѣстнымъ кругомъ государственныхъ или общественныхъ дѣлъ поручается одному чиновнику, который, уже за своею отвѣтственностью, поручаетъ тѣ или другія части разнымъ своимъ подчиненнымъ и организуетъ для этой цѣли разныя канцеляріи (*bureaux*); въ *коллегіальной* - же системѣ управленіе поручается вмѣстѣ многимъ, т. е. власть заключается не въ одномъ лицѣ физическомъ, а въ лицѣ юридическомъ, называемомъ коллегіею ¹⁾. Въ обоихъ случаяхъ характеръ отвѣтственности одинъ и тотъ-же: чиновники отвѣтственны только предъ верховной властью, ихъ поставившей ²⁾; равно и характеръ дѣятельности одинъ и тотъ-же: чиновники суть лишь *исполнительные органы* воли верховнаго правителя. Совсѣмъ не то—при самоуправленіи, совершающемся чрезъ представительство. Тамъ члены правительственнаго собранія отвѣтственны каждый только предъ своими довѣрителями; а по характеру дѣятельности такое собраніе совершенно самостоятельно.

Надѣмся, что мы въ достаточной мѣрѣ показали, какъ чужда идея соборности нашему послѣд-реформенному церковному управленію. Но намъ могутъ еще сказать: пусть это такъ, пусть дѣйствительно при строгомъ анализѣ оказывается, что свойства канонической соборности не сохранились въ строѣ нашего церковнаго управленія;—но вѣдь самый этотъ вопросъ - то имѣетъ только формально-научный интересъ,—для любителя юридическихъ тонкостей,—и едва ли имѣетъ какое-либо значеніе для внутренней жизни, церкви, для которой внѣшнія юридическія формы, въ сущности, безразличны; пусть при утонченныхъ юридическихъ

¹⁾ *Н. Рождественскій*, Энциклопедія законовѣдѣнія. 1863 г. Стр. 301. Ср. *Р. Моль*, цит. соч., стр. 518—519.

²⁾ Обыкновенно въ курсахъ законовѣдѣнія трактуется и объ отвѣтственности чиновниковъ предъ подданными (Ср. *Моль*, 199, 3.—*Рождественскій*. 306). Но въ сущности предъ подданными за чиновниковъ отвѣчаетъ глава государства. Только при этомъ можно различать два случая: а) претензіи подданныхъ приносятся на дѣйствія чиновника, совершенныя имъ въ предѣлахъ закона,—тогда правительство обязано вознаградить подданнаго, а чиновникъ не подлежитъ отвѣтственности;— б) претензія касается противозаконнаго дѣйствія чиновника,—тогда верховная власть обязана вознаграденія возлагаетъ на чиновника.

различеніяхъ оказывается, что епископовъ точнѣе будетъ называть государственными чиновниками, чѣмъ представителями самостоятельной церковной власти;—вѣдь они отъ этого не перестаютъ быть пастырями, а дѣло не въ названіи... Такія разсужденія очень часто приходится слышать. Это обстоятельство побуждаетъ насъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что указанная нами измѣна принципу соборности имѣетъ болѣе чѣмъ формальное значеніе, что она повела за собою искаженіе самаго *духа* церковной жизни.

„Мы не имѣемъ никакого *надзирательства* или *управленія*, а соединены союзомъ *любви* и т. д.“,—писали патріархи Востока. Таковъ духъ церковной жизни вообще и въ частности—той ея стороны, которую обыкновенно называютъ (не въ собственномъ смыслѣ, а только приспособительно къ выработанной въ юриспруденціи терминологіи) церковнымъ управленіемъ. Этимъ-ли духомъ дышетъ Регламентъ и сопрінадлежающіе съ нимъ законодательные акты въ своихъ предписаніяхъ, касающихся собственно разныхъ сторонъ внутренней церковной жизни? — отвѣчаемъ не колеблясь: нѣтъ!

Вотъ нѣсколько основаній изъ Духовнаго Регламента, которыя уполномочиваютъ насъ на такой отвѣтъ.

Въ именномъ указѣ Петра объ открытіи Синода читаемъ: „*Довельваемъ... имѣть сіе за важное и сильное прѣвительство... подѣ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ противъ прочихъ коллегій*“¹⁾. По общимъ началамъ государственнаго права, *повелѣніе* верховной власти гарантируется отъ нарушенія, между прочимъ, *военной силой*²⁾. „Важнымъ“ и „сильнымъ“ церковное правительство, какъ видно изъ дальнѣйшаго, называется отнюдь не въ смыслѣ „боліи“ и „старѣи“ въ Лук. 22, 25 — 26. „Великое наказаніе противъ прочихъ коллегій“, очевидно, можетъ быть *тюрьмой, ссылкой въ Сибирь* и даже *смертной казнью*; и, какъ увидимъ, въ Синодальной практикѣ относительно всего этого не безъ примѣровъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію общихъ задачъ, какія опредѣляетъ для дѣятельности Св. Синода Регламентъ, или

¹⁾ П. с. п. I, 1.

²⁾ *Моль*, 163—164.

„дѣлъ общихъ“, какъ онѣ тамъ названы, мы просто поражаемся чисто вѣшнимъ характеромъ этихъ задачъ. Не рискуя впасть въ слишкомъ большую неточность, ихъ можно бы назвать *полицейскими*. Вотъ онѣ: „розыскивать вновь сложенные и слагаемые акаѳисты и молебны и иные службы“¹⁾; „искоренять многочисленныя моленія“²⁾; „смотреть исторій святыхъ, не суть ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя“³⁾; „прилежно *розыскивать* вымыслы, которые челоувѣка въ недобрую практику ведутъ“⁴⁾; „розыскивать нѣкія церемоніи непотребныя“⁵⁾; „розыскивать о мощахъ святыхъ, гдѣ какія быть сумнительными“⁶⁾; „о иконахъ святыхъ *смотреть*“⁷⁾; преслѣдовать явленныя иконы⁸⁾, многогласіе въ службахъ⁹⁾, обычай давать молитву въ шапку¹⁰⁾ и т. п. Какъ будто читаешь отдѣлъ изъ Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій¹¹⁾. И такъ опредѣляются задачи церковнаго управленія...

Въ частныхъ предписаніяхъ епископамъ и пресвитерамъ также весьма ясно сказывается эта полицейская точка зрѣнія¹²⁾. Въ главѣ о дѣлахъ епископовъ статья 14 говоритъ: „*Вѣдаль-бы всякъ епископъ мѣру чести своея и не высоко-бы о ней мыслить; и дѣло убо великое, но честь никакая, почитай, въ писаніи знатная опредѣлена... Убо точію вышнее (sic!) дѣло пастырское есть проповѣдати, настояти, запрещати благовременно и безвременно и обряды таинъ святыхъ строити. Дѣло же внутреннее, еже обращати сердца къ покаянію и обновленію*

1) П. с. п. 1, 6, пунктъ 1.

2) Тамъ-же, п. 2.

3) Тамъ-же, п. 3.

4) Тамъ-же, п. 4.

5) Тамъ-же, п. 5, стр. 7.

6) Тамъ-же, п. 6.

7) Тамъ-же, п. 7.

8) Тамъ-же, п. 8.

9) Тамъ-же, п. 9.

10) Тамъ-же, п. 10.

11) Ср., напр., у *Рождественскаго*, цит. соч., стр. 463. 468—469, гдѣ названы многія изъ перечисленныхъ требованій Регламента, какъ подлежащія опредѣленію *Устава о пред. и пресѣч. преступл.*

12) На приводимыя ниже мѣста изъ Регламента указывалъ, между прочимъ, и авторъ названной нами въ предисловіи статья о Петровской реформѣ въ „Русскомъ Вѣстн.“ за 1891 годъ, какъ на неприличныя въ церковномъ законодательствѣ (Р. В. 1891, XI, 174 и слѣд.).

житія, есть единого Бога, благодатию Своею чрезъ слово и тайнодѣйствию пастырское, аки чрезъ орудіе (?), невидимо дѣйствующаго“ ¹⁾. Въ главѣ о посѣщеніи епископомъ городовъ своей епархіи въ ст. 1 предлагается имъ ѣздить по епархіи предпочтительно лѣтомъ, а не зимою, такъ какъ лѣтомъ кормы дешевле; при этомъ выражено, что епископъ можетъ, не вѣзжая въ городъ, — *„недалече отъ города на полъ въ палаткѣ время перестоять, чтобы не трудить священства или гражданъ“* ²⁾. Въ ст. 4 той-же главы предлагается епископу *„тайно у меньшихъ церковниковъ и аще кто иный удобный покажется спрашивать, какъ живутъ пресвитеры и діаконы“* ³⁾. Въ ст. 8 сказано: *„иныя дѣла и поступки могутъ быть утаиваемы предъ епископомъ... и о таковыхъ тайно и искусно провъдывать“* ⁴⁾. Статья 10 гласитъ: *„о правленіи и поведеніи близкихъ (аще гдѣ суть) монастырей лучше спрашивать въ градѣхъ и сельѣхъ отъ священства и мірянъ, нежели въ самыхъ монастыряхъ о томъ-же проискывать можно“* ⁵⁾. Ст. 13 опредѣляетъ: *„Да вѣсть всякъ епископъ, каковъй онъ ни есть степенемъ, простой-ли епископъ или архіепископъ или митрополитъ, что онъ духовному collegіумъ, яко верховной власти подчиненъ есть, указовъ онаго слушать, суду подлежать и опредѣленіемъ его довольствоваться долженъ“* ⁶⁾. Статья 15 опредѣляетъ: *„Долженъ будетъ всякъ епископъ дважды въ годъ (или какъ укажетъ о семъ collegіумъ) присылать до collegіумъ репорты, си есть извѣщенія о состояніи и поведеніи епархіи своей, все-ли добръ, или нѣкое неисправленіе есть... Если-бы извѣстилъ, что все добръ, и отъинуду-бы показалось, что нѣчто въ епархіи его дѣется суевѣрное, или явно богопротивное, епископъ-бы, въдая тое, утаилъ и до Collegіумъ не донеслъ, то самого его позоветъ на судъ къ себѣ Collegіумъ и, по довольномъ уличеніи, подвержетъ его наказанію, якое уставлено будетъ“* ⁷⁾.

„Итакъ, обязанности епископовъ, — говоритъ авторъ упо-

1) П. с. п., I, 10—11.

2) Тамъ же, стр. 14.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же.

5) Тамъ же, стр. 14—15.

6) Тамъ же.

7) Тамъ же.

минавшейся уже нами статьи въ Рус. вѣстн. за ноябрь 1891 г.,—сведены въ Регламентѣ къ разнаго рода *внѣшнимъ* дѣйствіямъ, способы выполненія которыхъ самымъ подробнымъ и точнымъ образомъ указаны въ томъ-же Регламентѣ. Даже поученія къ духовенству и народу, которыя вмѣнялось епископамъ въ обязанность говорить при объѣздѣ епархій, должны были быть сочинены въ духовномъ коллегіумѣ, „понеже не всякъ епископъ можетъ чистое слово сложити“¹⁾, вѣрнѣе-же для того, чтобы епископы не говорили при этомъ чего-нибудь лишняго, конечно, съ точки зрѣнія составителей Регламента“¹⁾.

Если къ приведеннымъ выдержкамъ мы присоединимъ еще пунктъ 17 изъ отдѣла о епископахъ, который узаконяетъ, „чтобы епископы смотрѣли, хранятся-ли по епархїи его отъ пресвитерей и монаховъ и прочіихъ должныя онымъ заповѣди, и *чтобъ имѣлъ на сіе духовныхъ фискаловъ; обаче, понеже сіе не довольно есть, ибо и фискалы оныя, дружа своимъ благодѣтелямъ или мзду емля, многое утаиваютъ, того ради подобаетъ епископу въ годъ или два года единожды обыти и поспѣтитъ епархїю свою*“²⁾;—то безъ малѣйшаго затрудненія можемъ согласиться съ такимъ обобщеніемъ только что цитированнаго нами автора: „главнѣйшими обязанностями епископовъ по Регламенту являются соглядатайство, тайное выслѣживаніе и выспрашиванье и доношеніе духовному коллегіуму, которому епископы отданы были въ полную власть тѣломъ и душой“³⁾.

Сколь далеко у творцовъ реформы заходило увлеченіе полицейскими задачами для дѣятельности іерархїи, можно видѣть изъ того поистинѣ возмутительнаго требованія, какое заявлено въ ст. 10 „правиль причта церковнаго“, гдѣ священникамъ вмѣняется въ обязанность доносить тайной канцеляріи и преображенскому приказу объ узанныхъ на духу злоумышленіяхъ и о совершенныхъ уже суевѣрныхъ дѣлахъ⁴⁾.

Церковное управленіе, преслѣдующее полицейскія задачи въ своей дѣятельности,—соотвѣтствуетъ-ли это хоть сколько-

1) Р. В. 1891, XI, 175.

2) П. с. п., I, 13—14.

3) Р. В. I. с.

4) Р. В. 1891. XI, 183.

нибудь тому, что писали въ § 16 патріархи Востока Пію IX? Сохраняется-ли при такомъ порядкѣ духъ Христовой любви и братскаго единенія? — Увы, нѣтъ! Съ переменной своего юридическаго обличья, наше церковное управленіе должно было переменить и духъ свой. „Не даромъ, замѣчаетъ проф. Заозерскій, практика церковныхъ полномочій въ теченіе XVIII вѣка Св. Синодомъ и епархіальными архіереями, навывнувшими „„духовной политики““, выработала оффиціальныя чуждыя всякой ироніи термины „„духовной команды““ и „„духовныхъ командировъ““. Не даромъ-же св. Синодъ въ теченіе почти всего XVIII вѣка имѣлъ свою тюрьму и всегда большее или меньшее число своихъ колодниковъ, равно какъ призрѣвалъ на время и колодниковъ другихъ коллегій, а для примѣненія къ дѣлу средствъ для обузданія непокорныхъ, кромѣ духовныхъ средствъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи гвардіи сержанта и 26 солдатъ“¹⁾.

В.

Переходимъ къ вопросу о характерѣ отношеній между церковью и государствомъ, созданныхъ Петровской реформой. Здѣсь мы должны разсмотрѣть обычно высказываемыя западными учеными и богословами противъ нашей церкви обвиненія въ *цезарепапизмѣ*²⁾. Русскіе богословы и канонисты употребляютъ очень много усилій, чтобы опровергнуть эти обвиненія. Мы вполнѣ понимаемъ эти старанія, потому что дѣйствительно для христіанскаго чувства православнаго человѣка ничего не можетъ быть больнѣе и тяжелѣе, какъ согласиться, что Церковь, это „царство не отъ міра сего“, стоитъ въ служебномъ, подчиненномъ отношеніи къ царству мірскому, съ его чуждыми духу Евангелія

¹⁾ Заозерскій, О свящ. и прав. вл., 301—302.

²⁾ Напр., Мюнхенская конференція старокатоликовъ обвиняла нашу церковь въ томъ, что она впадала въ крайность, противоположную церкви ново-католической, — въ *цезарепапизмѣ*. Подобный-же упрекъ былъ сдѣланъ и Гейдельбергскимъ проф. Трейтшке, который въ лекціи 12 янв. 1874 года говорилъ: „въ Россіи господствуетъ въ отношеніяхъ государства къ церкви система цезарепапизма; русскій императоръ — глава церкви“ (*Романовичъ Славатинскій*, цит. соч., стр. 173, пр.). Теперь это въ протестантской литературѣ—самая обычная точка зрѣнія.

задачами. Но надѣмся, — всякій, кто читалъ эти апологисы, согласится съ нами, что въ нихъ невольно чувствуется недостатокъ полнаго убѣжденія у самихъ авторовъ, какая-то затаенная нотка сожалѣнія о томъ, что дѣйствительное положеніе не вполне соотвѣтствуетъ желаемому. Такое положеніе вопроса, кажется, даетъ право уже а priori предположить, что онъ не допускаетъ категорическаго рѣшенія въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, а долженъ быть разложенъ на нѣсколько частныхъ вопросовъ, при чемъ окажется, что и защита и нападеніе съ извѣстной точки зрѣнія правы, и что, слѣдовательно, въ послѣдней инстанціи рѣшеніе должно сводиться къ вопросу о преимуществахъ такой или иной точки зрѣнія.

Прежде всего, по нашему мнѣнію, необходимо различать дѣйствительное отношеніе нашей церкви къ государству отъ законодательной его формулировки. А затѣмъ, въ томъ и другомъ надо обращать вниманіе на перемѣны, какія приносили съ собой теченіе нашей государственной и церковной жизни. Въ настоящемъ отдѣлѣ этой главы мы только рассмотримъ, на какое рѣшеніе вопроса уполномочиваетъ законодательство Петровскаго времени.

Г. Вѣлогостицкій, касаясь этого вопроса, говоритъ: „не можетъ не указать на то, что *цезарепапизмъ* грозилъ нашей церкви при Петрѣ, но только въ томъ случаѣ, если-бы она, позабывъ о дарованной ей благодати, молча и пассивно принимала всѣ распоряженія своего *ктитора*, не отличавшагося, какъ извѣстно, стойкостью убѣжденій, и если-бы она не стремилась исправлять нѣкоторыхъ его крайностей, до какихъ иногда доходилъ великій преобразователь“ ¹⁾. Очевидно, онъ признаетъ, что *законодательство Петрово вводило у насъ цезарепапизмъ*; но если наше церковное управленіе все-таки можно не считать цезарепапистическимъ, то лишь постольку, поскольку оно не оставалось и не остается вѣрно началамъ этого законодательства. То-же мнѣніе высказываетъ и анонимный авторъ статьи въ XI кн. „Русскаго Вѣстника“ за 1891 годъ. „Если церковь русская, говоритъ онъ, остается еще не монаршескою, а соборною, то это—не благодаря Петровской реформѣ и Регламенту, а вопреки

¹⁾ Вѣлогостицкій, Ж. м. в. пр., 1892. VI, 270.

имъ“ ¹⁾. Мы вполне согласны съ такимъ мнѣніемъ. Дѣйствительно, если судить по законодательству Петра I, то систему управления нашей церковью надо назвать цезарепапизмомъ. Приведемъ нѣсколько основаній въ подтвержденіе этого.

Въ именномъ указѣ Петра Великаго объ учрежденіи Духовной Коллегіи такъ мотивировано его рѣшеніе преобразовать строй церковнаго управления: „Между многими, *по долгу богоданнаы намъ власти* ²⁾, попеченьми о исправленіи народа нашего, и прочихъ подданныхъ намъ государствъ, посмотра и на духовный чинъ, и видя въ немъ многое нестроеніе и великую въ дѣлахъ его скудость, несуетный на совѣсти нашей возымѣли мы страхъ, да не явимся неблагодарни Вышнему, аще толика отъ Него получивъ благопоспѣшества во исправленіи, какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и чина духовнаго..... Того ради, образомъ прежнихъ, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, благочестивыхъ царей, *воспріявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго*, а не видя лучшаго къ тому способа паче соборнаго правительства... уставляемъ духовную Коллегію и т. д.“ ³⁾. Здѣсь исправленіе духовнаго чина объявляется неотъемлемой принадлежностью Божественнаго права русскаго Государя ⁴⁾. Право это въ отношеніи къ церкви должно быть названо *верховнымъ*, потому что приравнивается къ правамъ относительно чина гражданскаго и воинскаго, а эти послѣднія права суть *верховныя* ⁵⁾. Получаемъ формулу, что *Государь русскій имѣетъ верховную богоданную власть въ дѣлахъ церковнаго устройства*

¹⁾ Р. В. 1891. XI. 181.

²⁾ Курсивъ здѣсь и ниже—нашъ.

³⁾ П. с. п. I, 1. Ссылаясь на этотъ указъ, мы считаемъ великимъ упомануть о сдѣланной *Хомяковымъ* попыткѣ подорвать значеніе этого указа. Хомяковъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ II тома своихъ соч., что неизвѣстно, былъ-ли этотъ указъ опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе, и склоненъ полагать, что онъ образовалъ просто только собственноручно Петромъ написанное введеніе къ Регламенту. Но это, по нашему мнѣнію, нисколько не измѣняетъ дѣла.

⁴⁾ Что власть русскихъ Государей, съ точки зрѣнія нашего государственнаго права, притязаетъ на атрибутъ *божественности*, объ этомъ см. у *Романовича-Славатинскаго*, въ цит. соч. стр. 124.

⁵⁾ Тамъ-же, 127—128.

и управленія. Далекъ-ли смыслъ этой формулы отъ слѣдующаго сужденія одной нѣмецкой брошюры 1725 года, написанной по поводу перевода Регламента на нѣмецкій языкъ: „Петръ отмѣнилъ патриаршество и, по примѣру протестантскихъ князей (sic!)“¹⁾, объявилъ себя самого верховнымъ епископомъ своей страны“²⁾? Очевидно, Регламентъ живо напомнилъ нѣмцамъ принципъ протестантскаго цезарепапизма, что государь есть „*summus episcopus*“.

Не менѣе, если не болѣе, разсмотрѣннаго нами именного указа подавали и подають поводъ къ обвиненіямъ нашей церкви въ цезарепапизмъ слѣдующія слова „присяги“ членамъ Духовной Коллегии: „*Исповѣдую-же съ клятвою крайняго Судію Духовныя сея Коллегии быти Самаго Всероссийскаго Монарха, Государя нашего Всемилостивѣйшаго*“³⁾. Много было разными апологетами Петровской реформы потрачено усилій на изъясненіе термина „Крайній Судія“,—съ цѣлью показать, что онъ не содержитъ въ себѣ ничего сходнаго съ терминами „*summus episcopus*“ и „Глава церкви“, которые были-бы уже достаточными основаніями для обвиненія. Мы не будемъ здѣсь разбирать этихъ разсужденій. По нашему мнѣнію, „крайній судія“ обозначаетъ безапелляціоннаго судью, т. е. надѣленнаго правами верховной власти. Эта верховная компетенція юрисдикціи весьма способна напомнить неограниченность правъ папскаго престола.

Столь-же сильное основаніе для обвиненія въ цезарепапизмъ даетъ и слѣдующее мѣсто изъ I части Духовнаго Регламента: „а яко христіанскій государь, *правовѣрія-же* и всякаго въ церкви святой *благочинія - блюститель*, благоволилъ уставити духовный коллегіумъ“⁴⁾... Блюстительство правовѣрія и благочинія исчерпываетъ всю полноту правъ церковной власти. А стоитъ лишь эту власть квалифицировать, какъ *верховную*, на что, по сказанному выше, уполно-

1) Эта фраза далеко не лишена реальнаго основанія. Извѣстно, что Вильгельмъ Оранскій давалъ Петру совѣты объ устройствѣ церковнаго управленія по образцу англійской церкви. А затѣмъ, также извѣстно, что въ Голландіи Петръ знакомился съ устройствомъ Утрехтскаго синода. *Вѣд. Голландіи*, Ж. м. н. пр. 1892. VI. 263.

2) Тамъ-же, VII, 11.

3) П. с. п., I, 2.

4) Тамъ-же, 3.

мочиваетъ приравненіе ея къ власти Государя въ дѣлахъ гражданскаго и воинскаго чина,—мы получимъ въ приведенныхъ словахъ Регламента *формулу главенства* Государя въ церкви. А что въ смыслѣ именно главенства понимало эту формулу само русское законодательство, открывается изъ того обстоятельства, что указанные слова Регламента вошли въ 42 статью I тома основныхъ законовъ и снабжены примѣчаніемъ, гдѣ Императоръ именуется *Главою Церкви* ¹⁾. Можно, конечно, утверждать и доказывать, какъ обыкновенно и дѣлаютъ, что послѣднее выраженіе едва-ли удачно характеризуетъ *дѣйствительное* отношеніе Государя къ церкви ²⁾. Но мы уже сказали выше, что въ вопросѣ о томъ, существуетъ-ли цезарепапизмъ въ русской церкви, нужно отличать законодательство отъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. А мы въ настоящемъ случаѣ рѣчь ведемъ только о первомъ. Къ сказанному можно было-бы еще присоединить, что въ 6 пунктѣ генеральнаго Регламента Государь называется *главою всѣхъ коллегій*, слѣдовательно,—и духовной. А затѣмъ, сохранилось извѣстіе, что въ концѣ 1714 года Петръ, созвавъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, торжественно объявилъ, имъ что онъ хочетъ быть *начальникомъ* россійской церкви ³⁾.

Чтобы не упрекнули насъ въ томъ, будто мы навязываемъ Регламенту мысли, какихъ онъ вовсе не содержитъ (хотя и приведенныя данныя должны уже въ достаточной мѣрѣ защитить насъ отъ этого упрека), мы считаемъ нужнымъ указать еще на одно обстоятельство, изъ котораго открывается, что и самъ Теофанъ, авторъ Регламента, понималъ начертанный имъ образъ отношеній Государя къ церкви въ смыслѣ понтификата или суммэпископата. Мы уже говорили, что Теофанъ вынужденъ былъ писать защитительные трактаты о новой формѣ церковнаго управленія. Одинъ изъ такихъ трактатовъ носилъ заглавіе: „*Розыскъ историческій, коихъ ради вины и въ яковомъ разумѣ были и нарицались императоры римстїи, какъ язычестїи такъ и христіанстїи, понтификсами или архїереями многобожнаго закона; а въ законѣ*

¹⁾ Романовичъ-Славатинскій, цит. соч., стр. 175.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Р. В. 1891, XI, 188—189.

христiанствѣмъ христiанствѣи государи могутъ-ли нарециися епископы и архiereи, и въ какомъ разумѣ“. Сочиненiе это имѣеть цѣлью доказать изъ исторiи, что императоры,—какъ римскiе, такъ и византiйскiе,—сосредоточивали въ своихъ рукахъ власть не только свѣтскую, но и духовную; доказывая это, авторъ хотѣлъ показать, что на управленiе церковными дѣлами государь имѣеть право, и такимъ образомъ косвенно оправдать совершенное въ церковномъ управленiи преобразованiе ¹⁾).

Могутъ намъ сдѣлать и еще нѣсколько возраженiй противъ нашей мысли, что Петровское законодательство даетъ достаточное основанiе для обвиненiй нашей церкви въ цезарепапизмъ. Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Могутъ сказать и говорятъ (Хомяковъ), что Петръ никогда не усвоилъ своей власти тѣхъ свойствъ, какими у католиковъ характеризуется власть римскаго первосвященника,—напр., верховнаго права вязать и рѣшить грѣхи, непогрѣшимо формулировать догматы и т. п. На это, прежде всего, достаточно замѣтить, что цезарепапизмъ, характеризуя извѣстную систему церковнаго управленiя, вовсе не предполагаетъ съ необходимостью аналогiи между государемъ и папою во всѣхъ отношенiяхъ,—напр., и въ отношенiи права совершать таинства. Но для любителя историческихъ курьезовъ можно-бы было привести нѣкоторыя данныя, показывающiя, что Петръ не прочь былъ присвоить себѣ право, напримѣръ, *предавать анаемѣ* ²⁾); а русскому государственному праву не чужда мысль о непогрѣшимости монарха не только въ дѣйствiяхъ, но и въ *мыслияхъ* ³⁾).

Еще чаще утверждаютъ, что не слѣдуетъ придирааться къ буквѣ того или иного общаго положенiя, высказаннаго въ Регламентѣ или сопринадлежащихъ съ нимъ актахъ, потому что Петръ и Теофанъ, какъ люди дѣла, не сильны были въ выработку эластичныхъ, не поддающихся никакимъ придиркамъ формулъ, а часто многое говорили, употребляя Петрово выраженiе, „не осмотра“. Слѣдуетъ, говорятъ, смотрѣть

¹⁾ *Бѣлогостицкiй*, Ж. м. в. пр. 1892. VII. 18.

²⁾ Р. В. 1892. XI, 189—190: разумѣется именной указъ Петра о предачѣ анаемѣ Глѣбова.

³⁾ *Романовичъ Славянскiй*, цит. соч. стр. 127.

на характеръ частныхъ предписаній Регламента и отъ нихъ отвлекать общіе принципы, а не останавливаться съ чрезмеру строгой критикой на неудачныхъ аксіоматическихъ положеніяхъ вводныхъ къ Регламенту частей. При этомъ, будто-бы, окажется, что государственная власть, ограничиваясь лишь вмѣшательствомъ въ сферу внѣшнихъ церковныхъ отношеній, нисколько не лишала церковь самостоятельности въ дѣлахъ вѣры и вообще внутренней жизни.

На это нужно сказать, во-первыхъ, что тѣмъ-то и нехорошъ неудачно сформулированный законъ, что исполнители его не имѣютъ права игнорировать его буквальный смыслъ. Этого требуетъ самое законодательство;—въ подтвержденіе укажемъ на 65 статью нашихъ основныхъ законовъ. Этого же требовалъ и Петръ. Въ присягѣ членамъ духовной коллегіи говорится: „кленуся и еще всевидящимъ Богомъ, что вся сія, мнѣ нынѣ общаваемая, не иначе толкую во умѣ моемъ, яко провѣщаваю устнами моими, но въ той силѣ и разумѣ, яковую силу и разумъ написанныя здѣ слова чтущимъ и слышащимъ являютъ“¹⁾. Во-вторыхъ, и въ частномъ законодательствѣ встрѣчаются положенія, не безусловно безразличныя для православнаго христіанина. Напримѣръ, обычай ходить въ дома со святою водою и святыми иконами названъ въ одномъ мѣстѣ пустымъ „суевѣріемъ“. Въ средѣ православныхъ находились и доселѣ найдутся нѣкоторые люди, которые едва-ли съ этимъ взглядомъ или,—во всякомъ случаѣ,—съ его тенденціей согласятся.

III.

Для большей опредѣленности въ сужденіи о достоинствѣ церковной реформы Петра Великаго, не лишнимъ было-бы знать: а) созданную Регламентомъ церковно-административную практику Петровскаго времени;—б) отношеніе къ преобразованному строю церковнаго управленія со стороны русской іерархіи въ послѣпетровское время;—и в) раскрытіе положенныхъ въ основу реформы принциповъ въ послѣпет-

¹⁾ П. с. п. I, 2—3.

ровскомъ законодательствѣ. Поэтому мы позволимъ себѣ въ настоящей главѣ сказать нѣсколько словъ объ этихъ предметахъ, хотя на первый взглядъ и можетъ показаться, что они прямого отношенія къ нашей темѣ не имѣютъ.

А.

Вотъ какъ г. Бѣлогостицкій рисуетъ отношеніе Петра къ церковно-административной дѣятельности св. Синода. Объявивъ себя „крайнимъ Судіею“ духовной коллегіи, Петръ очень строго слѣдилъ, чтобы провозглашенный такимъ образомъ принципъ зависимости духовнаго правительства отъ Главы государства не оставался мертвой буквой. Синодъ не можетъ безъ его вѣдома издавать новыхъ постановленій по своему вѣдомству. Такъ на первыхъ порахъ Синодъ пробовалъ было издать, не представивъ Государю на апробацію, предполагаемыя постановленія, и Государь, узнавъ объ этомъ, сдѣлалъ выговоръ членамъ Синода и изданныя опредѣленія велѣлъ уничтожить. Но эти-же постановленія, когда въ 1722 году они были представлены ему на апробацію, онъ одобрилъ къ изданію ¹⁾. Но этимъ Петръ не ограничивался. Какъ верховный Судья духовной Коллегіи, онъ то и дѣло находилъ нужнымъ руководить ею. Онъ издаетъ указы, въ которыхъ обращаетъ вниманіе Синода на необходимость исправленія тѣхъ или иныхъ сторонъ церковной жизни. Если онъ уѣзжаетъ, то и тутъ не забываетъ Синода: онъ пишетъ ему письма, въ которыхъ или требуетъ отъ него исполненія чего-нибудь, или велитъ подождать рѣшать какое-нибудь дѣло до своего пріѣзда, или-же отвѣчаетъ на предложенные Синодомъ вопросы ²⁾.

Словомъ, самъ Синодъ безъ вѣдома Государя ничего не предпринималъ. Это хорошо видно изъ тѣхъ указовъ, какіе давалъ Петръ Великій Синоду даже въ такихъ вопросахъ, какъ вопросы вѣры и нравственности. Стоитъ только вспомнить извѣстный указъ Петра относительно исповѣди, превращавшій это великое святое таинство въ способъ распознавать политическую благонадежность подданныхъ,—и совершенно ясно становится, какъ далеко простиралъ преобра-

¹⁾ *Бѣлогостицкій*, Ж. м. н. пр. 1892. VI, 272.

²⁾ Тамъ-же, 272—273.

зователь свою мощную руку. Онъ смотрѣлъ на Синодъ, какъ на *государственное* учрежденіе, а потому съ своей точки зрѣнія, конечно, былъ правъ, требуя, чтобы Синодъ служилъ пользамъ государства ¹⁾. Петръ постоянно издаетъ указы, въ которыхъ *предписываетъ* Синоду распорядиться то тѣмъ, то другимъ,—напр., озаботиться просвѣщеніемъ народа, опредѣлить монастыри для школъ, переводить нѣкоторыя необходимыя, по его мнѣнію, книги и т. п. ²⁾; издаетъ указы о монахахъ и вообще духовенствѣ, сокращаетъ кругъ вѣдомства духовнаго суда и пр. ³⁾. Словомъ, Государь, какъ въ Регламентѣ опредѣлили Синодъ государственнымъ учрежденіемъ, „отъ высочайшей власти учрежденнымъ“, такъ до конца жизни и смотрѣлъ на него, какъ на подчиненную ему коллегію, для которой онъ—„крайній Судія“, коему обязанъ Синодъ представлять свои опредѣленія; послѣднія однако Государь можетъ принять, но можетъ и не принять, какъ дѣйствительно и случилось ⁴⁾.

Можно-ли послѣ этого отрицать, что съ своей стороны Петръ дѣлалъ все, чтобы цезарепапистическій характеръ церковнаго управленія, изображенный въ Регламентѣ, не оставался только на бумагѣ, а являлся таковымъ и въ дѣйствительности?

Указанное впечатлѣніе еще болѣе усиливается и даже принимаетъ такой видъ, какъ будто Петръ нарочно старался унижать духовную власть, если посмотрѣть на отношеніе *Сената* къ синодской дѣятельности. Равный *de jure* Сенату, Синодъ *de facto* не пользовался такимъ равенствомъ. Сенатъ въ отсутствіе Государя позволялъ себѣ, какъ жаловался однажды Петру Синодъ,—„объявлять Правительствующему Духовному Синоду приказаніе, аки-бы подчиненному, не взирая на оное равенство“; и любопытно, что эту жалобу Петръ оставилъ безъ послѣдствій ⁵⁾... Не пользовался Синодъ равенствомъ съ Сенатомъ и относительно права дѣлать изъясненіе уже существующихъ законовъ. Самостоятельно дѣлать серьезныя разъясненія Синодъ не имѣлъ права; по-

¹⁾ Тамъ-же, 273.

²⁾ Тамъ же, 273—274.

³⁾ Тамъ-же, 274.

⁴⁾ Тамъ-же.

⁵⁾ Тамъ-же, 277.

видимому, онъ долженъ былъ обращаться за ними къ Государю, который былъ его „крайнимъ судіей“, но никакъ не къ Сенату, равному съ Синодомъ по праву. Въ дѣйствительности же было именно послѣднее. Синодъ, наравнѣ съ прочими коллегіями, долженъ былъ, въ случаѣ неясности закона, „приносить выписки въ Сенатъ“, а тотъ, собравъ всѣ коллегіи, долженъ былъ „мыслить и толковать подъ присягою“, не смѣя, впрочемъ, полагать окончательнаго опредѣленія безъ апробаціи самого Государя ¹⁾. Точно также Сенатъ стѣснялъ и право синодскаго суда ²⁾ и администраціи ³⁾.

Утверждая выше, что законодательство Петра вводило у насъ цезарепапизмъ, но что если наша церковь остается соборною, то лишь вопреки этому законодательству, мы теперь видимъ, что церковно-административная практика Петровскаго времени сохраняла цезарепапистическій характеръ, намѣченный въ регламентѣ. Невольно является вопросъ: благодаря чему же всетаки нельзя признавать въ управленіи нашей церковью цезарепапизма? По нашему мнѣнію,—единственно благодаря тому, что эта система, хотя и узаконенная и практически осуществлявшаяся, никогда не признавалась законною, какъ со стороны іерархіи, такъ и со стороны паствы.

Что не по свободному согласію русскихъ архіереевъ былъ учрежденъ Синодъ, это мы видѣли. Равно и самъ Синодъ, послѣ своего учрежденія, не смотрѣлъ на себя такъ, какъ того хотѣлось Петру, а,—исходя изъ того положенія, что замѣнивъ собою патріарха, онъ, по Регламенту, „имѣетъ честь, силу и власть патріаршую или едва-ли не большую“,—всюду ревниво оберегалъ (хотя и не всегда съ успѣхомъ) свои „равныя патріаршимъ“ права. Такъ онъ не пишетъ въ началѣ указовъ имени Государя, ставя себя впереди, какъ замѣняющаго патріарха: „Святѣйшій Синодъ приговорили“ ⁴⁾... Затѣмъ,—судъ духовный совершался медленно, и вотъ свѣтская власть побуждаетъ его рѣшать дѣла скорѣе, „безъ волокиты“; но Синодъ, ревниво относясь къ своимъ правамъ, усматривалъ себѣ „обиду“ и „умаленіе своей чести“ въ по-

¹⁾ Тамъ-же, 281.

²⁾ Ж. м. н. пр. 1892. VII, 3. 5—7 и др.

³⁾ Тамъ-же, 9 и сл.

⁴⁾ Тамъ-же.

добныхъ побужденіяхъ со стороны свѣтской власти ¹⁾. Много и другихъ подобныхъ-же протестовъ противъ установившагося режима обнаруживала духовная власть Петровскаго времени. Правда, эти протесты были ужъ черезчуръ слабы; но могли-ли они быть сильнѣе подъ желѣзной рукою Петра?

Что-же касается народа, то въ его глазахъ вышею церковною властью всегда были святители церкви. Лишь заручившись ихъ согласіемъ, хотя бы только видимымъ, могъ Петръ надѣяться сообщить авторитетность въ глазахъ народа новому церковно-правительственному учрежденію. И во все послѣдующее время для народа истинной церковной властью оставался соборъ іерарховъ, а не повелѣвавшій послѣднимъ Государь; и если-бы Государь задумалъ *безъ Синода* издать какое-либо распоряженіе по дѣламъ вѣры или церковной жизни, оно непременно вызвало-бы народныя волненія. Въ этомъ сознается и Регламентъ. Въ 7 пунктѣ I его части говорится, что простые люди „не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря въ коемъ-либо дѣлѣ смотрять“ ²⁾. Это непризнание церковью верховной власти надъ собою Государя и не позволяетъ называть ея управленіе цезарепапистическимъ. Свѣтская власть провозгласила принципъ своего верховенства надъ церковью и фактически захватила въ свои руки ея высшее управленіе; но церковь не признала и не одобрила своимъ согласіемъ ни этого принципа, ни фактическаго захвата. Слѣдовательно, на свое теперешнее состояніе она можетъ смотрѣть, только какъ на временное.

Б.

Представителями русской іерархіи, этими истинными хранителями канонической идеи, ненормальность созданнаго Петромъ порядка вещей была всегда признаваема,—даже въ самыя тяжкія времена церковной жизни. Едва только миновалъ терроръ бироновщины и нѣмецкаго владычества въ 18 столѣтіи, и императрица Елизавета вступила на престолъ, какъ два члена Синода,—Амвросій Юшкевичъ и Арсеній Маціевичъ,—подали Государынѣ докладъ, въ которомъ, указывая на патріаршество, какъ на идеальную форму церков-

¹⁾ Тамъ-же, 3.

²⁾ П. с. п. I, 4—5.

наго управленія, и не дерзая мечтать о его возстановленіи, подъ гнетомъ свѣжихъ еще воспоминаній о тяжеломъ рабствѣ, хлопотали объ устраненіи отъ Синода орудій этого рабства и о пресѣченіи способовъ къ порабощенію, почему и просили Государыню упразднить должности свѣтскихъ чиновниковъ въ Синодѣ. Извѣстно, что Елизавета не уважила этихъ представленій и оставила Синодъ въ прежнемъ видѣ. Все 18 столѣтіе было самымъ неблагопріятнымъ временемъ для самостоятельнаго развитія церковной жизни ¹⁾.

Но едва настали лучшія и болѣе свободныя времена, мысль о канонической соборности воскресаетъ въ умахъ лучшихъ людей. Въ первой четверти 19 столѣтія вопросъ о необходимости созванія мѣстныхъ соборовъ для дѣлъ вѣры и нуждъ церкви, независимо отъ постоянного небольшого собора въ лицѣ Св. Синода, серьезно занималъ покойнаго Московскаго митрополита Филарета. Изъ записокъ о его жизни и времени, изданныхъ Сушковымъ, мы узнаемъ, что въ бумагахъ императора Александра I нашлось предположеніе, составленное митрополитомъ по порученію Государя, о раздѣленіи духовнаго управленія въ государствѣ на 9 церковныхъ округовъ, при чемъ неминувемы были-бы современнымъ мѣстные (окружные) и даже великіе (всероссійскіе) соборы, а окружной митрополитъ сталъ-бы въ тѣ-же отношенія къ епархіальнымъ начальникамъ, какія существовали въ древности ²⁾. Какъ видимъ, средняя степень соборности (окружной) близка уже была къ своему возстановленію въ строѣ русскаго церковнаго управленія. Но на этомъ дѣлѣ естественно не остановилось-бы. Разъ ожившая и воплотившаяся въ жизни идея потребовала-бы своего возстановленія и въ другихъ степеняхъ. И дѣйствительно, какъ открывается изъ тѣхъ-же записокъ Сушкова, преосв. Филаретъ приходилъ къ мысли и о ненормальности высшаго управленія нашей церкви ³⁾. Ненормальность эта состоитъ въ томъ, что

¹⁾ *Н. Соколовъ*, цит. соч., стр. 8.

²⁾ Тамъ-же, 6—7.

³⁾ Это открывается изъ его разсужденій о судебной власти Синода, которая представляеть собою ничѣмъ не оправдываемое смѣшеніе инстанцій суда первой степени и апелляціоннаго. См. объ этомъ у *Бодянскаго* въ его предисловіи къ брошюрѣ неизвѣстнаго автора: „О соборномъ управленіи въ христіанской церкви“, 1871, стр. IV.

въ Синодѣ начало соборное ¹⁾ слито съ единоличнымъ, и имъ однимъ замѣнены и личная власть патріарха, и ограничивающая ее власть соборная. Но и мыслямъ этого Первосвятителя не суждено было осуществиться за смертью императора Александра ²⁾.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что лучшіе представители нашей высшей іерархіи, какъ только представлялась возможность, всегда были готовы высказаться противъ двухъ главныхъ ненормальностей въ церковномъ управленіи,—порабощенія со стороны свѣтской власти и отсутствія соборности. И можно надѣяться, что духъ этого протеста никогда не замретъ въ доблестнѣйшихъ изъ нашихъ архипастырей; и доколѣ еще хоть искра такого духа будетъ теплиться въ чьемъ-либо изъ ихъ сердецъ, никто не имѣетъ права обвинять нашу церковь въ цезарепапизмѣ.

В.

Но если въ іерархіи русской всегда жило стремленіе возратить церковному управленію чистоту канонической соборности, то свѣтская власть, наоборотъ, весьма настойчиво и систематически стремилась усилить эту подчиненность церкви государству, прочное начало которой положено Петромъ Великимъ. Орудіемъ этого подчиненія является оберъ-прокуроръ св. Синода. Должность эта учреждена еще Петромъ I. Въ Петровской инструкціи синодскому оберъ-прокурору онъ называется „окомъ государевымъ и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ въ Синодѣ“. Онъ долженъ „накрѣпко смотрѣть, чтобы въ синодѣ не на столѣ только дѣла вершились, но и самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись“. Первоначально по инструкціи оберъ-прокуроръ въ Синодѣ имѣлъ значеніе только *наблюдателя*. Но такое его значеніе сохранялось только при Петрѣ. „Такъ-какъ власть, говоритъ Кедровъ, всегда стремится къ соответствующимъ отличіямъ, а отвѣтственность оберъ-прокурора Синода была очень велика, то послѣдній скоро сдѣлался полнымъ руководителемъ Синода. Оберъ-прокуроры Синода впоследствии дѣйствовали

¹⁾ Правда, въ искаженномъ видѣ;—ср. объ этомъ выше наши разсужденія относительно церковнаго представительства.

²⁾ *Водянский*, тамъ же.—*Соколовъ*, 7.

очень нерѣдко чрезъ Синодъ, какъ чрезъ свое орудіе, и управляли такимъ образомъ внутренними дѣлами всей русской церкви“ 1)... Нѣкоторое основаніе такой власти дано въ самой Петровской инструкціи. По этой инструкціи, оберъ-прокурору „должно въ своей *дирекціи* имѣть канцелярію синодскую и служителей оной“. Изъ этой „дирекціи“ и развилась та широкая административная власть оберъ-прокурора въ русской православной церкви, которая совершенно парализовала ее, какъ животворную силу, превративъ въ одно изъ *вѣдомствъ*, — „вѣдомство православнаго исповѣданія“ 2).

Слѣдить за моментами этого превращенія по даннымъ изъ исторіи оберъ-прокуратуры 18 вѣка не представляется нужнымъ, потому что въ дѣйствующемъ законодательствѣ по церковнымъ дѣламъ исторія эта не оставила слѣда. Законодательство-же 19 вѣка представляетъ въ этомъ отношеніи нѣсколько любопытныхъ примѣровъ. Въ 1803 году при оберъ-прокурорѣ кн. Голицынѣ изданъ былъ указъ о вызовѣ въ составъ Синода епархіальныхъ архіереевъ для *временнаго* присутствія въ Синодѣ. По духовному Регламенту, Синодъ имѣлъ *постоянныхъ* членовъ, борьба съ которыми, конечно, была труднѣе для синодскихъ оберъ-прокуроровъ 18 вѣка, чѣмъ борьба съ выбранными по усмотрѣнію самого оберъ-прокурора *временными* членами въ 19 вѣкѣ, когда даже такіе сильные и мощные іерархи, какъ Московскій Филаретъ, должны были уклоняться отъ присутствія въ Синодѣ, чтобы не подчиняться такимъ оберъ-прокурорамъ, какъ графъ Протасовъ 3). Этотъ указъ 1803 года нельзя не разсматривать, какъ значительный шагъ впередъ на пути къ окончательному поработченію церкви. Благодаря этому указу, власть архіереевъ, засѣдающихъ въ Синодѣ, сдѣлалась совершенно призрачною, потому что оберъ-прокуроръ всегда имѣетъ возможность избавиться отъ негоднаго ему члена Синода. Въ 1818 году учреждено министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Съ закрытіемъ его въ 1824 году вся

1) *Кедровъ*, цит. соч., стр. 62.

2) Слова проф. *Горчакова*, приводимые въ цит. соч. *Романовича-Славятинскаго*, стр. 174.

3) *Романовичъ-Славятинскій*, тамъ-же, стр. 174—175.

власть министра духовныхъ дѣлъ перенесена на оберъ-прокурора. Съ этого времени православная церковь получаетъ официальное наименованіе „вѣдомства православнаго исповѣданія“, окончательно организованнаго при оберъ-прокурорѣ графѣ Протасовѣ въ 1835 году—на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и всѣ другія министерства. Оберъ-прокуроръ вполнѣ получаетъ права министра по законодательнымъ и административнымъ дѣламъ православной церкви. По дѣламъ этого рода его стали приглашать въ засѣданія Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, гдѣ онъ является единственнымъ представителемъ православной церкви ¹⁾.

Параллельно съ возрастающимъ значеніемъ оберъ-прокурорской власти, получила бѣльшую опредѣленность и законодательная формулировка отношеній Государя къ церкви. Въ актѣ о наслѣдїи престола, 5 апрѣля 1797 года Императоръ именуется *Главою церкви*. Выраженіе это вошло въ основные законы, какъ примѣчаніе къ 42 статьѣ I тома²⁾. Какъ ни усиливаются наши законовѣды ослабить значеніе этого выраженія, оно всетаки остается весьма характернымъ самообличеніемъ свѣтской власти въ насильственномъ порабощенїи церкви. Въ самой 42 статьѣ нѣкоторые изслѣдователи нашего конфессіональнаго вопроса, напр., профессоръ Горчаковъ, видятъ отблескъ протестантскихъ воззрѣній, выраженныхъ въ ученїи о суммэпископатѣ. „Въ словахъ: *блюститель правосерїя*, говоритъ онъ, такъ и слышится отраженіе понятія: *Schirmherr der Reinheit der Lehre*“ ³⁾. Поэтому совершенно справедливо, напр., Романовичъ-Славатинскій говоритъ, что „пересмотръ этой редакціи 42 статьи былъ-бы очень желателенъ“ ⁴⁾. По 43 статьѣ, охраняя русскую православную церковь, самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ святѣйшаго правительствующаго Синода, *ею учрежденнаго* или, какъ комментируетъ Романовичъ-Славатинскій, „при посредствѣ бюрократической системы оберъ-прокурора“ ⁵⁾. Представленіе кандидатовъ на вакантныя епископскія каѳедры принадлежитъ Синоду и дѣлается чрезъ оберъ-прокурора.

1) Тамъ-же.

2) Тамъ-же, 175.

3) Тамъ-же.

4) Тамъ-же, 176.

5) Тамъ-же, 177.

но выборъ кандидата—неотъемлемое право верховной власти. Еще болѣе: она можетъ назначать на епископскую кафедру и *motu proprio*. Подобные antecedенты, какъ извѣстно, бывали въ періодъ синодальный ¹⁾.

Мы пришли къ концу нашего изслѣдованія. Цѣлью нашихъ историко-каноническихъ справокъ не было—дать что-либо фактически новое по затронутому вопросу; въ этомъ отношеніи мы ничего не могли прибавить къ богатому и разносторонне разработанному матеріалу этого вопроса. Мы хотѣли только сгруппировать этотъ матеріалъ въ интересахъ исчерпывающей оцѣнки Петровской церковной реформы и, затѣмъ, тщательно анализируя соответственные факты и принципы, произвести самую такую оцѣнку. Въ послѣднемъ отношеніи, смѣемъ надѣяться, намъ удалось сказать и нѣчто такое, что доселѣ или не говорилось, или говорилось въ иной постановкѣ и съ иными практическими тенденціями. Если-бы однако иному свѣдущему и строгому цѣнителю показалось, что мы сумѣли только „*propter communiā dicere*“, то и тогда мы не считали-бы свой трудъ напраснымъ, потому что по такимъ практически весьма важнымъ вопросамъ полезно время отъ времени напоминать заинтересованнымъ кругамъ русскаго общества и общеизвѣстные факты и принципы.

Что касается нашей практической тенденціи, то она очень проста. Мы хотѣли убѣдить читателей (насколько намъ это удалось, судить не намъ), что въ созданной Петромъ I и доселѣ существующей системѣ русскаго церковнаго управленія намъ рѣшительно нечѣмъ дорожить;—стремленія реформировать эту систему не только не надо страшиться, а надо его привѣтствовать, какъ попытку водворить, наконецъ, въ нашей церковной жизни господство той канонической соборности, которой мы лишены вотъ уже почти 200 лѣтъ.

Само собою понятно, что и новая реформа,—въ зависимости отъ ея плана и отъ лицъ, конимъ суждено будетъ ее осуществлять,—можетъ создать также нѣчто далеко не идеальное. Чтобы этого, по возможности, не случилось, надо, чтобы самое проведеніе ея и детальная разработка совершались при строгомъ соблюденіи *всѣхъ условій канонической со-*

¹⁾ Тамъ-же, 177.

борности. Надо, чтобы она была не дѣломъ чиновниковъ и не дѣломъ только засѣдающихъ въ св. Синодѣ или даже нѣсколько большаго числа архіереевъ, а свободнымъ дѣломъ *всей русской Церкви.* Какъ осуществить это условіе, на это пока мы не считаемъ себя въ состояніи точно и полно отвѣтить. Но одно, по нашему мнѣнію, здѣсь будетъ безусловно полезно,—это, чтобы всякіе проекты преобразованія предварительно подвергались самому широкому и свободному обсужденію въ органахъ нашей духовной и свѣтской гласности. А на всѣхъ канонически-образованныхъ и просто умудренныхъ духовнымъ опытомъ людяхъ лежитъ нравственный долгъ пойти навстрѣчу нашей церковной нуждѣ съ своими знаніями и съ своею опытностью, не молчать въ такомъ дѣлѣ, гдѣ молчаніе можетъ оказаться преступнымъ.

Съ этой точки зрѣнія мы искренно привѣтствуемъ появленіе статей г. Л. Тихомирова и проф. Заозерскаго, какъ отвѣчающихъ нуждамъ времени, и желаемъ, чтобы эти голоса не оставались одинокими ¹⁾.

Л. Тихомировъ.

Берлинъ. 1903 г. 22 (9) ноября.

¹⁾ Наше сочувствіе этимъ статьямъ, какъ читатели могли видѣть уже и изъ нашего предисловія, является чисто только принципиальнымъ или, точнѣе говоря, формальнымъ, т. е. не касается самаго содержанія вносимыхъ обоими авторами преобразовательныхъ предложеній. Мы привѣтствуемъ въ нихъ только рѣшимость обсуждать, какъ истинно злободневный вопросъ, организацію нашего церковнаго управленія. Но мы отнюдь не думали такимъ заявленіемъ присоединяться и къ положительному содержанію этихъ проектовъ. Послѣдняго мы не касались, а если бы коснулись, то, вѣроятно, и не во всемъ-бы съ нимъ согласились. По крайней мѣрѣ, относительно г. Л. Тихомирова мы можемъ довольно увѣренно сказать это и теперь: основная его тенденція, — открыть условія, при которыхъ церковное правительство могло-бы быть „важнымъ и сильнымъ“ (слова Петра I), — и совершенно бюрократическая программа реформы, превращающая будущаго русскаго патріарха въ полноправнаго министра церковныхъ дѣлъ, кажутся намъ совершенно не соответствующими требованіямъ канонической соборности. Но мы полагаемъ, что результаты нашего настоящаго изслѣдованія, совершенно нейтральнаго къ той или иной конкретной программѣ преобразованія (лишь - бы она желала оставаться на канонической почвѣ), могутъ быть полезны и удобопріемлемы для сторонниковъ самыхъ различныхъ программъ, — какъ исходный пунктъ: мы утверждаемъ неканоничность Петровской церковной реформы; а это утвержденіе и должно лежать въ основѣ всякаго проекта новаго преобразованія.